

Язык цветов

Vanessa Diffenbaugh

The Language of
Flowers

Ванесса Диффенбах

Язык цветов

Москва, 2011

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)6-44

Д50

Перевод с английского Ю. Змеевой

Дифfenбах, В.

Д50 Язык цветов / В. Дифfenбах ; [пер. с англ. Ю. Змеевой]. — М. : РИПОЛ классик, 2011.— 320 с.

ISBN 978-5-386-03482-5

Виктории восемнадцать лет, и она боится. Боится прикосновений и слов — своих и чужих, боится любить. Только в ее тайном саду, который стал ее домом и убежищем, все страхи испаряются. Только через цветы она может общаться с миром. Лаванда — недоверие, чертополох — мизантропия, белая роза — одиночество... Ее цветы могут вернуть людям счастье и излечить душу, но подходящего цветка для того, чтобы заживить ее собственные раны, Виктории найти никак не удается...

История о девушке, говорящей на языке цветов, покорила читателей по всему миру — теперь и на русском языке.

Книга выходит в четырех обложках с разными цветами: роза — изящество, тюльпан — признание в любви, герberа — радость, бугенвиллея — страсть.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)6-44

ISBN 978-5-386-03482-5

Copyright © 2011, by Vanessa Diffenbaugh.

Originally published In 2011 by Ballantine/
Random House, New York, NY, USA

The book was negotiated through Brick House
Literary Agency and Goumen&Smirnova Literary
Agency (www.qs-aqency.com)

© ushadesign, иллюстрации, 2011

© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление. ООО Группа
Компаний «РИПОЛ классик», 2011

Мох считается символом материнской любви, потому что, подобно этой любви, утешает сердце с наступлением невзгод зимы, когда летние друзья нас покидают.

Генриетта Дюмон, «Язык цветов»

I

СОВЕРШЕННОЛЕТИЕ

1

ВОСЕМЬ ЛЕТ МНЕ снился огонь. Я проходила мимо деревьев — и они вспыхивали; пылали океаны. Во сне волосы пропитывал сладкий дым, и, когда я вставала, его аромат облаком оседал на подушке. Но в день, когда загорелся мой матрас, я, вздрогнув, проснулась. Резкий химический запах был совсем не похож на сахарную дымку моих снов, как жасмин желтый не похож на жасмин низкий: первый символизирует разлуку, второй — привязанность. Их нельзя перепутать.

Встав посреди комнаты, я увидела источник пламени: аккуратный ряд спичек у подножия кровати. Они загорались одна за другой: пылающий заборчик у окантованного края матраса. Глядя, как они горят, я почувствовала страх, несоразмерный маленьким дрожащим огонькам, и на мгновение замерла: мне снова было десять, и снова я была исполнена отчаяния и надежды, каких не испытывала ни прежде, ни потом.

Но, в отличие от чертополоха поздним октябрем, голый синтетический матрас не вспыхнул. Он задымился, а потом огонь погас.

В тот день мне исполнялось восемнадцать.

На продавленном диване в гостиной сидели девочки. Пробежавшись по моему телу, их глаза остановились на босых ногах, на

которых не было следов ожога. На лице Аманды нарисовалось облегчение; Клер казалась разочарованной. Кто-то засмеялся. Мои глаза шарили по дивану, отыскивая источник звука, но безуспешно. Ближе к краю одна девочка притворялась, что спит, другая смотрела нагло, без страха. Рядом незнакомая рыжая изучала ногти.

Если бы мне предстояло остаться здесь еще хотя бы на неделю, я бы запомнила каждое из этих лиц. И отплатила бы, воткнув ржавые гвозди в подошвы туфель или подмешав мелкую гальку в тарелки с чили. Однажды я прижгла плечо спящей соседки по комнате раскаленной металлической вешалкой — за проступок куда менее серьезный, чем поджог.

Но через час меня здесь не будет. И они об этом знали — все до единой.

Клер встала. Пересекла маленькую комнату, пока не оказалась всего в паре дюймов от меня. Она была высокого роста и относилась к тому типу красивых девушек, что встречался здесь редко: осанка правильная, кожа чистая, одежда новая. Не знаю, где она ее брала. Может, крала, а может, выпрашивала у мужчин, которые у нее не переводились и были намного старше нее. Ценники болтались у нее под мышками неделями, прежде чем исчезнуть в недрах огромного стирального автомата в подвале.

Она подошла ближе, и я наклонилась, выжиная, хватит ли ей смелости коснуться меня.

— Пожар, — сказала Клер, — это привет от Оливии.

Оливия. Не помнила я никакую Оливию. Среди тех, что на диване, ее точно не было. Наверное, одна из тех, с кем я жила лет в двенадцать-тринадцать — годы после Элизабет, мой самый злой и агрессивный период.

— Тогда поблагодари ее от меня, — ответила я.

Девчонки рассмеялись, и это вывело Клер из себя. Она накинулась на них.

— Что? — воскликнула она. — Позволите ей так просто уйти?